

Л. Б. Сукина

КОНЦЕПЦИЯ «КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИИ» — ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПАРАДИГМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVI–XVII ВЕКОВ?

В статье рассматриваются методологические возможности концепции «конфессионализации», сформировавшейся в немецкой историографии в последней четверти XX в. (В. Рейнхард, Г. Шиллинг) и получающей все большее распространение в российской науке (А. Прокопьев, Ю. Ивонин, М. Дмитриев), в том числе, в рамках изучения русской истории XVI–XVII вв. Особое внимание в статье уделено проблеме релевантности концепции «православной конфессионализации» при анализе процессов и явлений религиозной жизни России того времени. Для обоснования концепции «православной конфессионализации» необходимо не только установить особенности функционирования византийской традиции в православных культурах Восточной Европы (М. Дмитриев), но и рассмотреть развитие религиозных воззрений и норм в православных обществах XVI–XVII вв., учитывая влияние других конфессий и столкновения с ними. Так или иначе, уже сейчас можно выделить некоторые позиции, позволяющие говорить о синхронности и асинхронности процессов религиозного реформирования и развития в истории России, Восточной и Центральной Европы. В религиозной жизни России XVI–XVII вв. сформировались все формальные признаки процесса «конфессионализации», но их проявления в социальных и культурных условиях конкретной исторической среды отличались существенным своеобразием. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: конфессионализация, историография, русская история, религия, православие.

L. B. Sukina

THE CONCEPT OF “CONFESSIONALIZATION” — A POSSIBLE PARADIGM OF RUSSIAN HISTORY OF THE 16–17 CENTURIES RESEARCH?

This article considers the methodological potential of the Concept of “Confessionalization” for the research of the Russian history of the 16–17th centuries. This Concept was formed in German historiography of the end of 20 century (W. Reinhard, H. Schilling) and is used in modern Russian historical science (A. Prokopyev, Yu. Ivonin, M. D. mitriev). Special attention is given by the article to the problem of relevance of the Concept of “Orthodox Confessionalization” for analysis of processes and phenomenon of religions life in Russia of that time. To justify the conception of “Orthodox Confessionalization” one must not only set the particularity of functioning of the Byzantine orthodox tradition in Orthodox cultures of Eastern Europe (M. D. mitriev), but also consider the development of religious beliefs and norms in Orthodox societies of the 16–17th centuries, the influence of other confessions or their struggle with them. However, now one can delineate some positions allowing us to talk about synchrony and asynchrony of processes of religious reform and the development of Russian, and Central and Western European history. All formal signs of the process of “Confessionalization” in Russia’s religious life were formed in the 16–17th centuries. But their display within particular social and cultural conditions of concrete historical environment is characterized by originality. Refs 11.

Keywords: “Confessionalization”, historiography, Russian history, religion, Orthodox Church.

На рубеже XX–XXI вв. арсенал отечественной науки, занимающейся изучением вопросов истории религии, пополнился современными, т. е. актуальными, дискутируемыми и активно развивающимися теоретическими концепциями. Одна из них — теория «конфессионализации», сформировавшаяся в немецкой историографии

Сукина Людмила Борисовна — доктор исторических наук, доцент, Институт программных систем «УГП им. А. К. Айламазяна», Российская Федерация, 152020, Ярославская область, г. Переславль-Залесский, ул. Советская, 2; lbsukina@gmail.com

Sukina Liudmila B. — Doctor of History, Associate Professor, Institute “Ailamazyan’s University”, 2, ul. Sovetskaya, Pereslavl-Zalesky, Yaroslavskaaya obl., 152020, Russian Federation; lbsukina@gmail.com

и оказывающая заметное влияние на исследования религиозных аспектов истории Центральной и Восточной Европы XVI–XVIII вв.

Основы этой теории были заложены в 1950-е годы Е. Цееденом. В его работах было введено в научный оборот понятие «*Konfessionsbildung*» («формирование или строительство конфессий»), которое он использовал для обозначения процессов в религиозной жизни Германии XVI–XVII вв., традиционно именуемых в историографии реформационными и контрреформационными [1, S. 251–252]. «Конфессиональное строительство», в понимании Е. Цеедена, протекало как идеологическое, правовое и организационное оформление и закрепление церковных структур при участии и под влиянием государственной власти. В этом процессе общественным институтам лютеранской и католической церкви придавалось политическое значение.

В 1970-е — 1980-е годы теория получила новый концептуальный импульс и дальнейшее развитие в исследованиях, которые независимо друг от друга проводили В. Райнхард и Х. Шиллинг. В их работах был введен, а в дальнейшем закреплен термин «*Konfessionalisierung*» («конфессионализация»), который использовался для обозначения асинхронного и неоднородного исторического процесса, характеризующегося усилением роли церковной жизни и церковных реформ в политике, культуре, социальной и экономической сферах государств и обществ Западной и Центральной Европы в XVI—XVIII вв. [2–3]. Концепция конфессионализации была в целом принята как рабочий методологический инструмент историками Германии и с некоторыми оговорками используется в исследовательской практике историков в других европейских странах. Но дискуссии вокруг нее не утихают до сих пор, что объясняется существенными хронологическими расхождениями между сходными по формальным и содержательным признакам политическими и религиозными событиями, происходившими на протяжении столь длительного периода в различных государствах европейского мира, и конфессиональным многообразием последнего [4].

В российской историографии интерес к концепции конфессионализации проявился в конце 1990-х годов. В начале 2000-х он выразился в ряде публикаций, в той или иной степени рассматривавших конфессионализацию в качестве исследовательской модели изучения вопросов истории религии, церкви и формирования или изменения властных структур и общественных институций в Европе в Новое время (А. В. Прокопьев, Ю. Е. Ивонин, М. В. Дмитриев и др.). Отметим, что для изучения процессов «православной конфессионализации» исследователи пользовались в основном материалами, связанными с общественными религиозными движениями Украины. В связи с этим следует также упомянуть любопытную работу С. Н. Плохия, посвященную религиозности украинского казачества и изданную сначала за рубежом, а потом на Украине [5–6]. М. В. Дмитриев, продвигающий концепцию конфессионализации в качестве рабочего инструмента исследования религиозно-политических процессов в украинских, белорусских и русских землях в XVI–XVII вв., при использовании понятия «православная конфессионализация» заключает его в кавычки, так как применительно к этому историческому материалу оно по-прежнему требует дополнительного теоретического обоснования [7].

В одной из своих недавних статей М. В. Дмитриев справедливо отмечает, что для прочтения истории восточноевропейских стран, в первую очередь Украины, Белоруссии и России, в XVI–XVII вв. через призму концепции конфессионализации не-

обходимо ответить на вопрос: «Какую роль конфессиональная специфика византийско-православных традиций сыграла (или — может быть, не сыграла) в эволюции православной культуры Восточной Европы в зрелое средневековье и в начале Нового времени» [7, с. 133]. Исследователь считает, что важно понять две вещи: 1) до какой степени конфессиональная специфика византийской православной традиции была усвоена и «переживалась» внутри православной культуры восточнославянских земель; 2) насколько в православной культуре Восточной Европы указанного времени усиливалось воздействие специфических конфессиональных начал на разные стороны понимания социумом религиозных и нерелигиозных вопросов [7, с. 133]. М. В. Дмитриев полагает, что при утвердительном ответе на поставленные вопросы «православную конфессионализацию» можно рассматривать как аналог и параллель феномену конфессионализации в протестантской и католической Европе в раннее Новое время. Принятие концепции «православной конфессионализации», с его точки зрения, помогло бы глубже и точнее осмыслить специфику восточноевропейской социокультурной, политической и экономической модернизации на пороге Нового времени, так как «в своем совокупном эффекте конфессионализация противостоит секуляризации и оказывается — тем не менее! — важнейшим аспектом и перехода к модерности, и самого генезиса новоевропейской цивилизации» [7, с. 134].

Однако решения поставленных в статье М. В. Дмитриева задач, на наш взгляд, всё же будет недостаточно для обоснования концепции «православной конфессионализации». Необходимо не только установить специфику функционирования и роль православной византийской традиции внутри православных культур Восточной Европы, но и поэтапно рассмотреть процессы развития религиозных представлений и норм в православных социумах указанного региона в XVI–XVII вв., усвоения влияний других конфессий или борьбы с ними. Конечно, для этого необходимо будет осуществить на материале русской истории такое же масштабное аналитическое исследование, какому В. Райнхард, Х. Шиллинг и их последователи подвергли историю Германии. Однако уже сейчас можно обозначить некоторые позиции, позволяющие рассуждать о синхронности и асинхронности процессов религиозного реформирования и развития в русской и центрально- и западноевропейской истории.

Первое, что обращает на себя внимание с достаточной очевидностью, — формальное совпадение хронологических границ этих процессов. Первая половина XVI в. характеризовалась зарождением и оформлением в Европе протестантских религиозных движений, сопровождавшихся фиксацией программных идей их лидеров, распространением новых учений в широких массах сторонников и организованным сопротивлением им со стороны «старых режимов» государственной и церковной власти. В Русском государстве — это эпоха борьбы светской и духовной власти с еретическими учениями, институционально практически не оформленными и не имевшими значительного влияния на социум в силу существовавших исторических условий, и выработки национальных концепций православного благочестия, закрепляемых в виде религиозных трактатов и практик (Нил Сорский, Иосиф Волоцкий). Эти хронологически синхронные, но очевидно различные по своей сути и содержанию явления привели к сходным результатам: во множестве стран католического, протестантского и православного мира Европы национальные церкви приобретают жесткие институциональные формы и пытаются регулировать вопросы вероисповедания в интересах государства.

Еще Е. Е. Голубинский отметил сходство Стоглавого собора 1551 г., проведенного по инициативе митрополита Макария и царя Ивана IV Грозного, с практически одновременным ему Тридентским собором католической церкви (1545–1563), который тоже был инициирован как церковными, так и светскими властями в лице папы Павла III и императора Карла V. Оба собора должны были решить и решили с разной степенью успешности проблемы возрождения и обновления своих церквей, соблюдения церковной дисциплины, наведения порядка и единообразия в церковных службах, а также установили догматы: в одном случае — католической, в другом — православной веры [8, с. 712–713].

Казалось бы, мы имеем дело с аналогичными явлениями, которые сторонники теоретической концепции «конфессионализации» оценили бы как вступление этого процесса в активную фазу. Однако за внешним сходством просматриваются принципиальные различия. В Центральной и отчасти Восточной Европе процесс конфессионализации охватывает широкие массы верующих из разных социальных слоев, вовлеченных в богословские дискуссии и продуцирующих новые формы религиозной жизни и религиозной организации. В этом смысле о «православной конфессионализации» как социокультурном явлении религиозной жизни населения, а не только совокупности действий государства и церкви, преследующих цели подчинения подданных через создание и фиксацию конфессиональных скреп, с достаточной долей уверенности можно говорить только в отношении части Украины, принадлежавшей Речи Посполитой, где православные жители городов, сопротивляясь полонизации, частью которой было «окатоличивание», создавали церковные братства, занимавшиеся катехизаторской и издательской деятельностью, направленной на укрепление и распространение православия в своей социальной среде [9–10]. В Русском же государстве деятельность православных приходов носила формально-организационный и хозяйственный характер, а катехизаторством занимались лишь немногие из священников [11]. Редкие попытки концептуализации собственных суждений о вере не находили значительного количества сторонников и продолжателей, приобретали форму ересей и осуждались как таковые.

Оживление религиозной жизни русского православного социума произошло после окончания Смуты в связи с ростом самосознания значительных торговых-ремесленных и служилых слоев городского населения. Церковные реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона и вызванные ими дискуссии, а также масштаб старообрядческого движения свидетельствуют о существовании в обществе религиозных идей, опирающихся на отличающиеся друг от друга системы ценностей и представлений. Возможно, что при анализе этого периода можно (весьма приближенно) говорить о «православной конфессионализации» и двух (по крайней мере) ее векторах.

Несмотря на наличие обширного историографического контента, как дореволюционного, так и современного, связанного с проблематикой церковных реформ и старообрядчества, цели и задачи государственной и протестной конфессиональной деятельности этого времени не до конца выявлены и осмыслены. Очевидно, что исследование данной проблемы нуждается в методологической базе, на роль которой и претендует теория конфессионализации.

Рассмотрение церковной жизни Русского государства XVII в. с позиций «православной конфессионализации», с одной стороны, позволяет обнаружить в ней все

группы признаков конфессионализационного процесса, которые были выделены еще фундаторами теоретической концепции конфессионализации. Здесь присутствуют формулировка «истинной доктрины» веры, ее фиксация в письменном виде, введение и распространение норм вероисповедания и благочестия и контроль за ними; забота государства и церкви о религиозном образовании и катехизации паствы, налаживание и поддержание практик проповедничества и паломничества, соблюдение обрядов и таинств и отчетности в их проведении; издательская деятельность с целью утверждения и укрепления православия и сопровождающее ее цензурирование печатных изданий и рукописных текстов, борьба с религиозными отступниками и еретиками, установление жестких рамок для других конфессий. С другой стороны, исследование проявления этих признаков в конкретной исторической среде показывает, что за внешним сходством скрываются существенные внутренние различия. Они обусловлены отсутствием в Русском государстве системы религиозного образования, обширного и глубокого опыта богословствования и проповедничества, традиций постоянного религиозного чтения, размышлений о вере и активного усвоения ее догматов и ценностей в мирской среде. Таким образом, вопрос о релевантности теории конфессионализации применительно к русской истории XVI–XVII вв. остается открытым.

Литература

1. Zeeden E. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeildter der Glaubenskampfe // *Historische Zeitschrift*. 1958. N 185. S. 249–299.
2. Reinhard W. Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie der konfessionalen Zeitalters // *Zeitschrift für Historische Forschung*. 1983. Bd 10. S. 257–278.
3. Schilling H. *Aufbruch und Kriese: Deutschland 1517–1648*. Berlin: Siedler, 1988. 508 S.
4. Lotz-Heumann U. The Concept of «Confessionalization»: a Historiographical Paradigm in Dispute // *Memoria y Civilización (MyC)*. 2001. N 4. S. 93–114.
5. Plokhy S. *The Cassacks and Religion in Early Modern Ukraine*. Oxford: University Press, 2001. 402 p.
6. Плохий С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ: Критика, 2005. 496 с.
7. Дмитриев М. В. «Православная конфессионализация» в восточной Европе во второй половине XVI века? // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вып. 16. Дрогобич: Коло, 2012. С. 133–152.
8. Троицкий С. В. Католическая церковь // *Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 1. А–К*. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993. С. 712–713.
9. Корзо М. А. Украинская и белорусская катехизическая традиция конца XVI–XVIII в.: становление, эволюция и проблемы заимствований. М.: ИФ РАН, 2007. 672 с.
10. Шустова Ю. Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 648 с.
11. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М.: Ин-дрик, 2002. 352 с.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2013 г.